

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНВЕКТИВЫ

С. Н. Засыпкин

студент Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

В данной статье будет сделана попытка определения специфической лексики сквозь призму метапсихологии Фрейда и его последователей. Имеется в виду группа слов, в принципе осуждаемых обществом по самым разным причинам, но прежде всего в силу их резкости, грубости, сознательной направленности на нарушение приличий.

Сегодня в научной литературе используется целый терминологический комплекс, описывающий данное явление: жаргон, арг, сленг, мат, обценная лексика, инвектива и др. Но в то же время большинство ученых поддерживают идею о том, что данный слой лексики стал «животворной средой», которая не дает литературному языку превратиться в омертвевший канцелярит [6, с. 7].

На наш взгляд, наиболее удовлетворительным в описании данного феномена «непристойности и осуждаемости» является термин «инвектива» в трактовке В. И. Жельвиса, который под «инвективой» предлагает объединить все разновидности словесного выражения человеческой неприязни и агрессии, понимая это слово широко, не только как «выпад против кого-либо», но и как употребление любого слова, которое может восприниматься в бранном смысле и может быть направлено как на другого человека, так и на самого говорящего [2, с. 75].

Инвектива есть агрессия активная, прямая, словесная, которую можно рассматривать как трансформацию поступка. Однако, следует отметить, что действие инвективы как агрессивного поведения всегда двунаправлено. От нее страдает как сам инвектум, так и слушатель/слушатели. Происходит обрушение и низвержение общепринятых норм коммуникации, участники коммуникации оказываются в равных условиях инвективного дискурса, т. к. сам инвектум также должен примерить на себя свою речь, чтобы оценить, насколько она будет оскорбительной и непристойной.

Следует понимать, что сам термин «инвектива» является родовым по отношению к остальным понятиям, которые высвечивают лишь некоторые аспекты инвективы. Однако, в данной работе термины бранная лексика, инвектива, словесная агрессия и сквернословие будут употребляться равнозначно в силу того, что в данном исследовании не будет проводиться филологический анализ. Также необходимо понимать, что в современной науке скопилось большое количество терминов, дублирующих друг друга

и относящихся к одним и тем же явлениям, но происходящих просто из разных языков.

В данной работе феномен инвективы будет рассмотрен не как явление филологическое, а как явление психологическое. Итак.

История человека, согласно Фрейду, есть история его подавления [5, с. 34]. Культурному принуждению подвергается не только его общественное, но и биологическое существование, не только отдельные стороны бытия человека, но сама структура его инстинктов. Однако именно в таком принуждении и заключается предпосылка прогресса. Основные инстинкты человека, беспрепятственно преследующие свои цели, несовместимы с любыми продолжительными объединениями ради самосохранения: они разрушают даже там, где соединяют. Неуправляемый Эрос так же губителен, как и его неумолимый двойник – инстинкт смерти (Танатос). Разрушительная сила обоих инстинктов проистекает из их стремления к удовлетворению, которое культура дать не способна, – удовлетворению как самоцели – в любой момент. Отсюда возникает необходимость отклонить инстинкты от их цели, наложить на нее запрет.

Таким образом, цивилизация начинается с отказа от первичного стремления к целостному удовлетворению потребностей. Происходят следующие трансформации: от немедленного удовлетворения к задержанному, от удовольствия к сдерживанию удовольствия, от радости (игры) к тяжелому труду (работе), от рецептивности к производительности, от отсутствия репрессий к безопасности.

Эту перемену Фрейд описал как трансформацию принципа удовольствия в принцип реальности. Бессознательное, управляемое принципом удовольствия, охватывает «более древние, первичные процессы, остатки той фазы развития, когда они были единственным типом психических процессов» [8, с. 768]. Они стремятся только к достижению удовольствия. Индивид приходит к травматическому осознанию того, что полное и безболезненное удовлетворение всех его потребностей невозможно. После этого разочарования доминирующее влияние переходит к новому принципу психической деятельности – принципу реальности. Принцип реальности скорее охраняет, чем низвергает, скорее модифицирует, чем отрицает принцип удовольствия.

Таким образом, культура – это методическое принесение либидо в жертву, его принудительное переключение на социально полезные формы деятельности и самовыражения.

Метапсихология Фрейда – это постоянно возобновляемая попытка вскрыть и исследовать ужасающую необходимость внутренней связи между цивилизацией и варварством, прогрессом и страданием, свободой и несчастьем, за которой в конечном счете стоит связь между Эросом и Танатосом.

Вопрос о нерепрессивной цивилизации – краеугольный камень, и Фрейд видит возможный просвет. Раскрывая объем и глубину несвободы и принуждения, Фрейд утверждает те чаяния человечества, которые всегда были предметом табу: мечту о государстве, в котором свобода и необходимость совпадают. Какую бы свободу не предоставляло развитое сознание в им самим созданном мире – это всего лишь производная, компромиссная свобода, достигнутая за счет отказа от полного удовлетворения потребностей, т. е. от счастья.

Таким образом, свобода в цивилизации по самой своей сущности антагонистична счастью, ибо влечет за собой его репрессивную модификацию (сублимацию). Напротив, бессознательное – самый глубокий и древний слой психики личности – является стремлением к целостному удовлетворению как отсутствию недостатка и репрессии [8]. Именно в нем утверждается непосредственное тождество свободы и необходимости, свободы и счастья. Эта табуируемая сознанием истина бессознательного, хранящая память о прошлых ступенях индивидуального развития, когда целостное удовлетворение было еще возможно, неустанно пробивается к осознанию. Прошлое постоянно бросает вызов будущему, рождая желание воссоздать рай, но уже на основе достижений цивилизации.

З. Фрейд и Г. Маркузе считают, что в самой природе человека заложена диалектика созидания (Эрос) и разрушения-агрессии (Танатос). Таким образом, продолжилась еще средневековая полемика относительно того, каков человек по своей природе: зол или добр. Э. Фромм, напротив, уверен, что человек от природы обладает инстинктами, помогающими ему выжить. Однако, культура ослабляет, но не уничтожает эти инстинкты, и человек уже способен действовать осознано, что и отличает его от животных.

Поэтому Фромм идет дальше и разделяет агрессию на два вида [12]: биологически адаптивную или доброкачественную и биологически неадаптивную или злокачественную. Биологически адаптивная агрессия – это реакция на угрозу витальным интересам индивида; она заложена в филогенезе; она свойственна как животным, так и людям; она носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу; а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины. Биологически неадаптивная, злокачественная агрессивность (т. е. деструктивность и жестокость) вовсе не является защитой от нападения или угрозы; она не заложена в филогенезе; она является спецификой только человека; она приносит биологический вред и социальное разрушение. Главные ее проявления – убийство и жестокие истязания – не имеют никакой иной цели, кроме получения удовольствия. Причем эти действия наносят вред не только жертве, но и самому агрессору. В основе злокачественной

агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека.

Т. е. доброкачественная агрессия служит жизни, а злокачественная уничтожению жизни. Злокачественная агрессия есть результат развития человечества, попытка найти единение и равновесие с окружающим миром по средствам деструкции [9, с. 201]. Но есть и другая возможность единения с миром – через созидание.

По Э. Фромму, необходимо снижать уровни обоих видов агрессии, т. к. возможности человека по реализации программ доброкачественной агрессии в индустриальном обществе многократно возросли, поэтому такой вид деструктивности не всегда может служить жизни.

Инвектива: доброкачественная или злокачественная агрессия? Вкратце, отметим основные функции инвективы: разделение божественного и профанного; катарсис; понижение статуса собеседника; установление контакта с собеседником и другие коммуникативные функции. Также необходимо отметить важную цивилизационную функцию [3, с. 136], т. к. инвектива есть одновременно слово и дело, что позволяет избежать прямого физического насилия, а опосредовать его перебранкой. Еще одна важная функция «ассенизации» [3, с. 134], очищающая другие слова и делающая возможным употребление этих других слов в обществе, освобождая их от запрещения. Иными словами можно сказать, что инвектива есть средство адаптации инвектума к социальным условиям через обрушение принятых норм общения и создание своих собственных норм коммуникации, т. е. индивид как бы получает свободу в коммуникативном поведении, т. к. он ввергает ситуацию общения.

Итак, если инвектива есть средство адаптации, то ее можно считать адаптивной доброкачественной агрессией, служащей делу жизни.

Осталось ответить еще на один вопрос: возможно ли искоренить инвективное общение? Или можно спросить по другому: возможна ли нерепрессивная цивилизация?

Сам З. Фрейд в своих работах не дает однозначного ответа на поставленные вопросы, однако его последователи дают положительный ответ. Мы дадим лишь краткое описание возможного решения данной задачи, т. к. нам важно понять, что инвектива есть адаптивный механизм социализации человека, без которого человеческое общество было бы другим, нежели оно есть сегодня. Также необходимо понять, что инвектива как доброкачественная агрессия есть врожденный механизм повышения выживаемости индивида и рода, доставшийся нам в модифицировавшемся виде от животных предков [9].

В целом все программы по созданию нерепрессивной цивилизации есть реакция ученых на происходящие в начале XX в. события: первая и вторая мировые войны, гибель миллионов людей, постоянный рост производства и потребления и, как следствие, потеря смысла жизни. И Э. Фромм, и Г. Маркузе в своих работах констатировали небывалую отчужденность человека, превращение его в винтик мега-машины. В работе «Эрос и цивилизация» Г. Маркузе ратует за то, что в ситуации абсолютной свободы человек будет жить в нерепрессивной цивилизации, когда случится тотальное отчуждение человека и он останется свободным: «Нерепрессивный труд возможен только в условиях тотальной отчужденности, т. е. в втоматизированном производстве, когда человек оставался бы свободным и мог реализовывать свои удовольствия» [5, с. 256]. Является ли это утопией? Сам Г. Маркузе говорит просто: «Утопия – понятие историческое, относится к проектам социальных изменений, которые считаются невозможными из-за препятствования субъективных и объективных факторов данной общественной обстановки» [1, с. 63], т. е. когда обстановка изменится, то вполне возможно осуществление утопии в реальности, ведь «утопические возможности вовсе не утопичны, но представляют собой решительное социально-историческое отрицание существующего, которое требует от нас весьма реального и прагматического противодействия, чтобы и мы сами, и другие осознали существование этих возможностей и сил, препятствующих их осуществлению» [1, с. 69].

Позиция Э. Фромма также является оптимистичной, и выразить ее можно следующим образом: человечество из модуса «иметь» должно перейти в модус «быть», человек должен бытийствовать [10; 11].

Если проанализировать предложения Г. Маркузе и Э. Фромма, то их можно охарактеризовать как программы социально-политического и духовно-нравственного перерождения общества. Должно сложиться такое «общество, в котором ни один человек не является средством для достижения целей другого человека, а всегда и исключительно является целью сам по себе; общество, где никто не используется и не использует себя в целях, не способствующих раскрытию человеческих возможностей; где человек есть центр и где его экономическая и политическая деятельность подчинена цели его собственного развития» [10, с. 508].

Следовательно, можно предположить, что вполне возможно наступит нерепрессивная цивилизация, где силы созидания и жизни возобладают над смертью, и тогда исчезнет агрессия. В этой

ситуации у индивида не будет необходимости «кроить» социальность под себя, создавая «свои правила игры» и, тем самым, заставляя окружающих следовать им.

Но с другой стороны, агрессия есть врожденный механизм. С эволюционной точки зрения сквернословие есть уникальное человеческое поведение, которое изменяется в зависимости от цели. Но в то же самое время сквернословие есть всегда словесная агрессия, поэтому выполняет четко определенный круг задач. К. Лоренц говорит об агрессии как о спонтанном инстинкте [4], который выполняет важные эволюционные функции по сохранению вида: охрана территории от представителей своего вида; охрана потомства; защита своего вида; распределение животных по жизненному пространству; организация иерархии у социальных животных.

Таким образом, можно сделать вывод, что инвектива есть средство преобразования своей окружающей среды, делая ее более комфортной для сквернослова в эмоциональном и социальном плане. Т. е. инвектум как бы творит новый социальный мир вокруг себя, обрушая социальные нормы, создавая свои более приемлемые и управляемые именно самим сквернословом. Это возможно за счет свойств самого феномена инвективы, т. к. и инвектум, и инвектируемый оказываются в одинаковой приземленной ситуации, ситуации обрушения социальных норм общения [3, с. 39]. Поэтому говорить об упразднении феномена инвективы не совсем корректно. Лучше будет сказать, что формы и технологии реализации инвективных стратегий будут трансформироваться.

В заключении отметим, что инвектива есть агрессия активная, прямая, доброкачественная, словесная, которую можно рассматривать как трансформацию поступка. Это есть уникальное эволюционное приобретение человечества, служащее снижению «градуса» физической агрессии.

Библиографические ссылки на источники

1. Герберт Маркузе. Конец утопии // Herbert Marcuse. Five lectures: psychoanalysis, politics and utopia. Boston, 1970.
2. Жельвис В. И. «Грубость»: проблема классификации лексик// Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович. М.; Кострома, 2008.
3. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
4. Лоренц К. Агрессия. М., 1994.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. К., 1995.

6. Отин Е. С. «Все менты – мои кенты...»: (как образуются жаргонные слова и выражения). М., 2006.
7. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Я и Оно. М., 2000.
8. Фрейд З. Я и Оно. М., 2000.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск, 1999.
10. Фромм Э. Здоровое общество; Догмат о Христе. М., 2005.
11. Фромм Э. Иметь или быть? = To Have or to Be? М., 1986.
12. Фромм Э. Различные типы агрессии и деструктивности и их предпосылки // Анатомия человеческой деструктивности. Мн., 1999.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА У ЗАПАДНЫХ ФИЛОСОФОВ

О. В. Ильина

*студентка Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

Социальная проблематика всегда была одной из ведущих тем в западной философии. Во второй половине XIX в. в связи с централизацией и бюрократизацией политической жизни наступил период критической переоценки опыта представительного правления и либерально-демократических ценностей. Появились так называемая теория элит Вильфредо Парето (1848–1923) и концепция политического класса Гаэтано Моска (1858–1941), а также новый взгляд на упорядочивающую роль в деле осуществления власти в обществе и государстве (М. Вебер).

Впервые упоминание о теории политического класса можно найти в работе итальянского правоведа Г. Моски «Теория правления и парламентское правление» (1884). Более развернутый вариант представлен в его работе «Основы политической науки» (1886, Т. 1, 1923, Т. 2). Теория элиты впервые обстоятельно изложена В. Парето в его «Трактате об общей социологии» (1916).

Оба мыслителя исходили из идеи о наличии в сфере управления каждого общества двух обособленных друг от друга групп – правящих и управляемых. Новшеством в их работах явилось утверждение о том, что в обществе всегда правит «ничтожное меньшинство» в виде «политического класса» (Г. Моска) или «правлящей элиты» (В. Парето).

Согласно мнению Моски, «во всех человеческих обществах, достигших известного уровня развития и культуры, политическое